

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-92-101

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ КОАЛИЦИИ ПРИ ДОМИНИРОВАНИИ ОДНОЙ ПАРТИИ:
СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ЕДИНОЙ РОССИИ»
С ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ (IV–VII СОЗЫВЫ)**

А. К. Михеев

Михеев Андрей Константинович, младший научный сотрудник кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
E-mail: andreymikheev17@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505. ResearcherID: JVO-3149-2024).

Аннотация

В статье исследуется феномен формирования законодательных коалиций в условиях доминирования одной партии на примере взаимодействия «Единой России» с системной оппозицией (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») в сфере экологической политики в Государственной Думе IV–VII созывов. Ставится центральный вопрос о мотивации правящей партии, обладающей конституционным большинством, вступать в коалиции с оппозицией, для которой такие альянсы являются вынужденной стратегией преодоления институционального барьера для принятия законопроекта. Используя теоретическую рамку, объединяющую теорию коалиций и концепт символического законодательства, выдвигаются и эмпирически проверяются две конкурирующие гипотезы. Согласно первой, коалиции носят проблемно-ориентированный характер и служат инструментом легитимации политически рискованных решений. Вторая гипотеза предполагает, что коалиции используются для символического контроля над публичной дискуссией и реагирования на общественный запрос. Эмпирической базой исследования выступили 40 межфракционных экологических законопроектов, отобранных из Системы обеспечения законодательной деятельности (СОЗД). Их классификация с применением нейросетевой модели DeepSeek-R1 и последующей ручной верификацией показала подавляющее доминирование проблемно-ориентированных инициатив (93%), что опровергает гипотезу о преимущественно символической природе сотрудничества. Основным выводом статьи заключается в том, что «Единая Россия» использует коалиции с оппозицией не для преодоления численного дефицита голосов, а для оптимизации политических транзакционных издержек и легитимации потенциально непопулярных законопроектов. Стратегия включения всех оппозиционных фракций позволяет правящей партии распределять политические риски, демонстрировать консенсус и канализировать деятельность оппозиции в конструктивное, но ограниченное русло.

Ключевые слова: экологическая политика; Государственная Дума Российской Федерации; «Единая Россия»; системная оппозиция; законодательные коалиции; проблемно-ориентированное законодательство; символическое законодательство.

Экологическая проблематика занимает существенное место в повестке современной России, находясь в поле зрения гражданского общества. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов, фиксирующие, что каждый второй россиянин готов вносить вклад в улучшение окружающей среды¹. Законодательные инициативы, вносимые парламентскими партиями, являются важным механизмом трансформации общественного запроса в конкретные политические решения.

Сложившаяся в Государственной Думе Российской Федерации последних созывов партийная система, в которой «Единая Россия» обладает конституционным большинством, а системная оппозиция (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») не имеет возможности самостоятельно проводить свои законопроекты, создает для них устойчивый институциональный барьер. Ярким подтверждением этому служит тот факт, что ни одна экологическая инициатива, внесенная исключительно оппозиционными фракциями, не была принята (Михеев, 2024: 134). В этих условиях стратегической реакцией

оппозиции на данный барьер становится практика внесения межфракционных законопроектов в коалиции с доминирующей партией.

Мотивация оппозиционных партий к вступлению в законодательные коалиции с «Единой Россией» очевидна: стремление повысить шансы на реализацию инициатив. Однако заинтересованность правящей партии, обладающей конституционным большинством, в подобных альянсах не столь однозначна. Поскольку сугубо прагматическая цель обеспечения прохождения законопроекта для «Единой России» теряет актуальность, центральным становится вопрос о её мотивах: что побуждает доминирующую партию идти на законодательные коалиции с оппозицией?

Мотивация «Единой России» к вступлению в законодательные коалиции с оппозицией может быть раскрыта через характер самих инициатив. Здесь возможны две основные стратегические линии.

Первая заключается в кооптации оппозиции вокруг значимых, но политически рискованных решений. В этом случае предметом альянса становятся инициативы, направленные на решение конкретных социально-экономических проблем. Такое сотрудничество позволяет правящей партии, во-первых, продемонстрировать консолидацию политического класса и снять с себя монополию на ответственность, а во-вторых — придать легитимность потенциально непопулярным мерам, распределив политические издержки их принятия.

Вторая стратегия нацелена на формирование диалога и управление общественным мнением. Её инструментом выступают символические законопроекты, не вносящие существенных изменений в политику. Их ключевая функция — коммуникативная: демонстрация способности власти к взаимодействию и её отзывчивости к актуальным запросам, что позволяет снижать социальную напряженность и смягчать критику.

Сфера экологии является идеальной площадкой для верификации данных подходов. С одной стороны, высокий уровень общественной обеспокоенности создает устойчивый спрос на реальные, проблемно-ориентированные законопроекты. С другой — техническая сложность и многогранность экологических проблем предоставляют широкое поле для создания сугубо символических инициатив (Сулимов, Турцева, 2024: 112-113). Таким образом, анализируя экологические законопроекты, можно идентифицировать, какую из стратегий реализует «Единая Россия» в союзе с оппозиционными партиями.

Теоретическая рамка исследования

В политической науке выделяют два основных типа коалиций: минимально выигрышную (*minimal winning*) и сверхразмерную (*oversized*). Первая формируется вокруг конкретного законопроекта и включает минимальное число партнеров, необходимое для гарантированного прохождения голосования (50% + 1 голос) (Riker, 1962; фон Нейман & Моргенштерн, 1970). Рациональность этой стратегии заключается в минимизации политических издержек и максимизации выгод за принятие решения для узкого круга участников.

В противоположность этому, сверхразмерная коалиция создается с привлечением большего числа партий, чем требуется для формального большинства. Её создание обычно обусловлено не только прагматикой голосования, но и более широкими стратегическими соображениями (Axelrod, 1970; Laver, Shepsle, 1996). Одним из ключевых факторов формирования таких коалиций являются институциональные ограничения. Например, бикамерализм (двухпалатная система) часто вынуждает правящую партию привлекать оппозицию для минимизации риска вето со стороны верхней палаты. Даже формально слабые верхние палаты оказывают существенное влияние на политический процесс (Hohendorf, Saalfeld, Sieberer, 2020; Tsebelis, Money, 1997).

Кроме того, сотрудничество с оппозицией позволяет повысить легитимность и стабильность принимаемых решений. Законы, поддержанные широким межпартийным консенсусом, менее подвержены риску отмены при смене правительства (Saalfeld, 2011). Избиратели также способны различать уровень поддержки законопроектов — был ли он принят с минимальным перевесом или с широким одобрением (Algar, Ryan, 2023), что влияет на восприятие эффективности власти.

Ещё одним стимулом для доминирующей партии является снижение политических рисков. Даже имея большинство, она заинтересована в том, чтобы потенциальные оппоненты не блокировали работу парламента. Широкое сотрудничество со всеми фракциями помогает смягчить эти риски, создавая образ консенсуса и эффективного управления. На практике этот процесс часто выглядит как стратегический обмен: стороны договариваются о взаимной поддержке по разным вопросам (Tsebelis,

2011). Классическим примером являются «пакетные сделки», когда несколько разнородных инициатив объединяются в один пакет, чтобы удовлетворить интересы разных групп (Konig, Junge, 2011). Таким образом, правящая партия может пойти навстречу оппозиции и включить в закон её поправки по одному вопросу. Взамен она рассчитывает на лояльность оппозиции при голосовании по другим, более принципиальным для себя законопроектам (Ganghof, 2003).

Таким образом, даже в условиях доминирования одной партии кооптация оппозиции сохраняет свою значимость как инструмент управления законодательной повесткой и обеспечения долгосрочной эффективности парламентских процедур (Gelman, 2017; Jackman, 2014).

В рамках анализа подобных тактик особую значимость приобретает концепт символического законодательства, под которым понимаются правовые акты и нормы, формально провозглашающие определённые предписания или запреты, но не создающие действенных механизмов их имплементации (Bielska-Brodziak, 2019). Основная функция таких актов сводится к артикуляции конкретных ценностей и смыслов, тогда как их непосредственный регулятивный эффект является слабым (Bien-Kacala, 2019: 271-275).

В научной литературе сформировались два конкурирующих подхода к оценке данного феномена. Критический подход интерпретирует символическое законодательство как неэффективный инструмент, не достигающий заявленных целей, но обслуживающий латентные политические задачи (Van Klink, 2016: 22). С этой точки зрения, его ключевая функция — создание иллюзии контроля: принимая подобные акты, правительство сигнализирует о разрешении кризисной ситуации, не прибегая к реальным и затратным мерам (Bielska-Brodziak, 2019). Другой аспект критики связан с использованием намеренно размытых правовых формулировок, создающих пространство для произвольного толкования (Suska, 2025: 1272).

Напротив, позитивный (коммуникативный) подход акцентирует экспрессивную функцию права, отвергая тезис о его сугубо инструментальном характере (Matten, 2003: 218-219). В данном ракурсе символическое законодательство рассматривается как рациональный инструмент, нацеленный не только на прямое регулирование, но и на повышение осведомлённости о значимых общественных проблемах, что может закладывать нормативную основу для последующих трансформаций (Posner, 1998: 766). В этом случае законодатель сознательно отказывается от жёстких императивов в пользу стратегии, направленной на постепенное изменение поведения через стимулирование публичной дискуссии и социального взаимодействия (Newig, 2007: 279-280).

Таким образом, теоретический анализ позволяет выдвинуть две ключевые гипотезы, объясняющие мотивацию доминирующей партии к вступлению в законодательные коалиции с системной оппозицией. Первая гипотеза предполагает, что такие альянсы носят проблемно-ориентированный характер и направлены на решение конкретных вопросов с помощью непопулярных мер, где партии власти требуется участие оппозиции для легитимации решений и распределения политических рисков, что соответствует логике «стратегического обмена». Вторая гипотеза заключается в том, что коалиции используются для символического контроля над публичной дискурсом, позволяя власти через демонстрацию диалога и имитацию реагирования снижать социальную напряженность.

В связи с этим возникает центральный исследовательский вопрос: к какому типу — проблемно-ориентированному или символическому — относятся экологические законодательные инициативы, вносимые оппозиционными партиями в коалиции с «Единой Россией»?

Сфера экологии представляет собой идеальное поле для верификации этих гипотез. С одной стороны, высокий общественный запрос создает необходимость в реальном, проблемно-ориентированном законотворчестве. С другой — сложность и многогранность экологических проблем предоставляют широкие возможности для формирования сугубо символических инициатив, призванных продемонстрировать вовлеченность, не меняя статус-кво.

Хронологические рамки исследования (IV–VII-й созывы Государственной Думы РФ) выбраны, так как именно с IV-го созыва «Единая Россия» сформировала устойчивое парламентское большинство, определившее новую конфигурацию партийно-политической системы.

Эмпирические данные и анализ

Отбор эмпирического материала осуществлялся на основе данных Системы обеспечения законодательной деятельности (СОЗД) Государственной Думы РФ. Критерием для идентификации экологических законопроектов служило прямое упоминание в их наименовании терминов, связанных с экологической повесткой, либо контекстуальная принадлежность к сфере экологического регулирования. В их число вошли такие понятия, как «охрана окружающей среды», «устойчивое использование

природных ресурсов», «обращение с отходами», «предотвращение загрязнений», «сохранение биологического разнообразия», а также иные формулировки, непосредственно относящиеся к качеству воздуха, воды и почвы.

Для верификации адекватности произведенной выборки была проведена перекрестная проверка путем соотнесения отобранных законопроектов с профилем комитетов Государственной Думы, курирующих вопросы экологии и природопользования. Далее, на основании данных СОЗД, была определена партийная принадлежность инициаторов каждого законопроекта. Межфракционными считаются законопроекты, внесенные депутатами от «Единой России» и одной из оппозиционных партий. В общей сложности, в исследуемый период было внесено 40 межфракционных законодательных инициатив по экологической проблематике (см. Табл. 1).

Таблица 1

Статус межфракционных (ЕР с оппозицией) экологических законопроектов

	Созыв IV			Созыв V			Созыв VI			Созыв VII		
	ЕР+ КПРФ	ЕР+ ЛДПР	ЕР+ СР	ЕР+ КПРФ	ЕР+ ЛДПР	ЕР+ СР	ЕР+ КПРФ	ЕР+ ЛДПР	ЕР+ СР	ЕР+ КПРФ	ЕР+ ЛДПР	ЕР+ СР
Возврат	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0
Отзыв	1	0	0	1	0	0	1	7	1	0	0	0
Принят	0	1	0	2	4	2	3	0	0	0	0	1
Отклонен	1	2	1	0	2	1	3	1	1	1	1	0
Итого	2	3	1	4	6	3	7	8	3	1	1	1

Источник: собственные расчеты автора по данным СОЗД.

Представленные данные позволяют выявить несколько важных тенденций во взаимодействии «Единой России» (ЕР) с системной оппозицией в экологической сфере. Наиболее продуктивной фракцией-партнером ЕР в VI созыве стала КПРФ, с которой было внесено 7 законопроектов, из которых 3 были приняты. Этот факт не случаен и имеет четкое институциональное обоснование: в указанный период пост председателя Комитета Государственной Думы по экологии занимал представитель КПРФ. Это создавало для правящей партии прагматичный стимул для кооперации, превращая фракцию КПРФ из формального оппонента в функционального союзника для продвижения и технической доработки инициатив в профильной области. Данный пример иллюстрирует, как формальные позиции в парламентской структуре могут перевешивать идеологические различия, формируя ситуативные коалиции.

При этом данные не показывают наличие у «Единой России» единственного привилегированного партнера в экологической сфере. Напротив, мы наблюдаем стратегию сбалансированного включения всех парламентских фракций. В разных созывах ЕР инициировала совместные проекты с КПРФ, ЛДПР и СР, демонстрируя отсутствие долгосрочной привязки к конкретному актору.

Несмотря на относительную активность, общая результативность совместных инициатив остается низкой. Из 40 зафиксированных межфракционных законопроектов подавляющее большинство было отклонено, отозвано или возвращено. Эта статистика указывает на то, что сам факт коалиции, даже с доминирующей партией, не является гарантией успеха.

Таким образом, данные подтверждают наличие устойчивой практики межфракционного взаимодействия, мотивированной как прагматическими (использование комитетских позиций оппозиции), так и системными (легитимация) причинами. Однако он же обнажает и главный вопрос, лежащий за пределами таблицы: какова качественная природа этих инициатив?

Под символическим законопроектом будет пониматься законопроект, который содержит декларативные формулировки без четких механизмов реализации, включает нормы с неоднозначной трактовкой или требует замены терминов, не вводит новых правил, обязанностей, санкций или систем контроля (например, штрафов, мониторинга), не меняет правовой статус субъектов.

Классификация законопроектов проводилась с помощью нейросети DeepSeek-R1 (<https://deepseek.com>). Работа с ИИ проходила следующим образом. Модели предоставлялись тексты законопроектов. Промпт выглядел следующим образом: «представь, что ты эксперт в области экологического законодательства. Тебе необходимо проанализировать текст законопроекта, определить его тип или типы в соответствии с приведенными критериями (содержит декларативные формулировки без четких механизмов реализации, включает нормы с неоднозначной трактовкой или

требует замены терминов, не вводит новых правил, обязанностей, санкций или систем контроля (например, штрафов, мониторинга), не меняет правовой статус субъектов). Аргументируй свою позицию и приведи конкретные примеры из текста. Твой ответ должен основываться только на предоставленном тексте, не используй внешние знания». Также проводилась случайная ручная кодировка, которая во всех случаях подтверждала классификацию DeepSeek-R1.

Таблица 2

Классификация экологических межфракционных (ЕР с оппозицией) законопроектов

	DeepSeek-R1	
	Символические	Проблемно-ориентированные
ЕР+КПРФ	1 (7%)	13 (93%)
ЕР+ЛДПР	1 (6%)	17 (94%)
ЕР+СР	1 (13%)	7 (87%)

Анализ характера совместных законодательных инициатив показывает систематическую тенденцию: во всех межфракционных коалициях («ЕР+КПРФ», «ЕР+ЛДПР», «ЕР+СР») преобладают проблемно-ориентированные законопроекты, составляющие от 87% до 94% от общего числа. Полученные результаты позволяют выделить две ключевые закономерности. Во-первых, опровергается предположение о доминировании символических законопроектов – межфракционное взаимодействие имеет преимущественно практическую направленность. Во-вторых, единообразие распределения инициатив во всех случаях свидетельствует об универсальной стратегии правящей партии по отношению ко всем фракциям системной оппозиции, независимо от их идеологических различий. Сохраняется ли тематическая специфика экологических инициатив, предлагаемых разными фракциями, при общем доминировании проблемно-ориентированного подхода?

Экологические законопроекты, внесенные депутатами от ЕР и КПРФ

Доминирующим вектором в совместных инициативах ЕР и КПРФ является последовательное ужесточение экологического контроля и мер административной ответственности. Эта системная тенденция реализуется через несколько ключевых механизмов. Во-первых, происходит значительное увеличение размеров административных штрафов. Яркой иллюстрацией служит законопроект 218438-5², который был успешно принят. Согласно ему, за выброс вредных веществ в атмосферный воздух без специального разрешения для юридических лиц теперь предусмотрен штраф от 180 000 до 250 000 рублей или приостановление деятельности на срок до 90 суток. Нарушение же условий специального разрешения карается штрафом от 80 000 до 100 000 рублей.

Аналогичную логику усиления санкций демонстрируют и другие законопроекты, даже те, что не получили окончательного одобрения. Например, в отклоненной инициативе № 779637-6 предлагалось увеличить штрафы для граждан за нарушение правил пожарной безопасности в лесах. Например, базовый штраф для граждан планировалось повысить с 1,5–3 тысяч до 3–5 тысяч рублей, а в условиях особого противопожарного режима – до 10 000 рублей. Обосновывая эту инициативу, депутат О.А. Лебедев на парламентских дебатах отмечал: «Лесные пожары являются одной из главных проблем лесного хозяйства в России, и при этом каждый лесной пожар сопряжён с нанесением значительного вреда жизни и здоровью граждан, окружающей среде, с причинением ущерба Российской Федерации»³. Другой законопроект (№ 70871-5), который был возвращен авторам, предполагал установление штрафа для юрлиц за нарушение правил обращения с ломом цветных и черных металлов в размере от 500 000 до 1 000 000 рублей с конфискацией.

Во-вторых, создаются новые механизмы административного контроля за оборотом природных ресурсов. Принятый законопроект 168903-6 ввел обязанность для граждан и юридических лиц, осуществляющих заготовку древесины, вести ее учет до обработки, переработки или реализации. Вывозка и перевозка древесины должны осуществляться при наличии сопроводительного документа, содержащего сведения о собственнике, основаниях заготовки, количественных, качественных, по-

² Данные по всем текстам законопроектов взяты из Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (Дата обращения: 30.09.2025)

³ Данные по всем выступлениям депутатов взяты из стенограмм заседаний Государственной Думы Российской Федерации URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (Дата обращения: 30.09.2025)

родных и сортиментных характеристиках. Как заявил В.И. Кашин, «наша задача – навести порядок и в лесу, принять в этом году базовые законы, которые бы не дали возможность спокойно работать ни браконьерам, ни "чёрным лесорубам". Ущерб, который наносится экологии и экономике нашей Родины непосредственно "чёрными лесорубами", значительный».

В-третьих, наблюдается расширение перечня составов административных правонарушений. Примером может служить отозванный законопроект 954756-6, который вводил административную ответственность за действия, повлекшие гибель или увечья животного, предусматривая для юридических лиц штраф от 10 000 до 20 000 рублей.

Параллельно с политикой ужесточения, законодатели предпринимают шаги по формированию новых легальных экономических ниш в сфере природопользования. Этот подход направлен на вытеснение теневого сектора через создание прозрачных и экономически привлекательных условий для ведения деятельности. Так, принятый законопроект 1039291-6 внес изменения в Лесной кодекс РФ, разрешив использование лесов для ведения сельского хозяйства, включая сенокошение, выпас животных, пчеловодство, товарную аквакультуру и выращивание сельскохозяйственных культур. Другие инициативы, даже оставшиеся нереализованными, указывают на поиск решений в смежных областях. Например, отклоненный законопроект 743288-6 допускал в лесных планах субъектов РФ с высокой плотностью населения строительство объектов туристской индустрии и определял максимальный процент площади лесного участка для рекреационной деятельности. А законопроект 465264-4 (отклоненный) был нацелен на создание благоприятных условий налогообложения для налогоплательщиков, осуществляющих добычу золота из россыпных месторождений.

Экологические законопроекты, внесенные депутатами от ЕР и ЛДПР

Совместная работа депутатов от «Единой России» и Либерально-демократической партии в сфере законотворчества демонстрирует баланс между двумя подходами. С одной стороны, парламентарии активно разрабатывают инициативы, направленные на усиление защиты прав и безопасности граждан, что проявляется в расширении государственного регулирования в социально-экологической сфере. С другой стороны, не менее важным направлением их деятельности остается создание условий для экономического развития через смягчение административных требований и стимулирование предпринимательской активности.

Значительный блок инициатив направлен на расширение защитных функций государства в областях, напрямую влияющих на качество жизни и безопасность граждан. В этом ключе показателен отклоненный законопроект № 30217-5, который вводил детальный технический регламент «О маркировке пищевых продуктов для потребителей», устанавливавший строгие правила указания состава, пищевой ценности, наличия ГМО и аллергенов для предотвращения введения потребителей в заблуждение. Другой отклоненной инициативой (№ 393059-4) стало введение федерального регулирования шумового воздействия в ночное время (с 22:00 до 6:00) с определением защищаемых объектов (больницы, жилые дома) и перечня запрещенных действий.

Особое внимание уделяется гуманитарной составляющей. Принятый законопроект № 458458-5 закрепил концепцию гуманного отношения к животным как к чувствующим существам, введя требования к обеспечению их базовых потребностей и запретив жестокое умерщвление. Дополняющий его, но отклоненный законопроект № 458970-5 предусматривал систему наказаний за нарушение этих требований, включая штрафы и конфискацию животных. Еще одна отозванная инициатива (№ 458458-5) вводила обязательную регистрацию собак потенциально опасных пород и требование о наличии свидетельства о прохождении обучения для их владельцев.

Дополнением к усилению регулирования в социально-экологической сфере является пакет инициатив, направленных на дерегулирование и стимулирование крупных сырьевых проектов. Например, отклоненный законопроект № 127993-4 предусматривал возможность заключения соглашений о разделе продукции (СРП) без проведения аукционов для участков недр на континентальном шельфе, если они ранее уже предоставлялись для геологического изучения. Отозванный законопроект № 928766-6 впервые детально регулировал вопросы права собственности на искусственные острова и сооружения на континентальном шельфе, жестко привязывая их оборот к праву пользования недрами.

Намерение упростить административные процедуры ярко проявилось в отозванном законопроекте № 504240-6, предлагавшем отменить государственную экологическую экспертизу (ГЭЭ) для проектной документации объектов капитального строительства, перенеся установление экологического соответствия в рамки экспертизы проектной документации по градостроительному законода-

тельству. Аналогично, другой отозванный законопроект (№ 504064-6) предусматривал возможность одновременной продажи лесных насаждений без аукциона, если рубка была вызвана геологическим изучением недр, и разрешал аренду лесных участков для размещения объектов дорожного сервиса.

Одним из наиболее значимых трендов является смещение акцентов с компенсационной модели возмещения ущерба на восстановительную. Так, отклоненный законопроект № 504011-6 законодательно закреплял приоритет возмещения вреда окружающей среде в натуральной форме через рекультивационные и восстановительные работы. Возмещение в стоимостном выражении допускалось лишь в случаях технической невозможности восстановления или отказа причинителя вреда. Другим примером концептуального нововведения стал отозванный законопроект № 928780-6, вводивший для морской деятельности «принцип нулевого сброса», требующий максимального снижения поступления вредных веществ через применение наилучших доступных технологий. Параллельно наблюдается работа по унификации правового поля, что иллюстрирует принятый законопроект № 97912-5, исключивший слово «природной» из термина «охрана окружающей природной среды» в ряде федеральных законов для упрощения и стандартизации юридического языка.

Экологические законопроекты, внесенные депутатами от ЕР и СР

Значительный блок законодательных инициатив посвящен системному реформированию контроля в областях, представляющих потенциальную угрозу для населения и окружающей среды. Ключевой задачей здесь является консолидация и четкое разграничение полномочий надзорных органов. Ярким примером служит принятый законопроект № 243819-5, который внес комплексные изменения в законодательство об атомной энергии, промышленной безопасности опасных производственных объектов и безопасности гидротехнических сооружений. Его основной целью стало установление четких рамок государственного надзора за обеспечением ядерной, радиационной, технической и промышленной безопасности. Данный законопроект систематизировал регулирование, минимизируя риски дублирования функций и правовые пробелы.

Еще одним аспектом усиления контроля стало совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Принятый законопроект № 536586-5 скорректировал подследственность преступлений, связанных с нарушением правил охраны окружающей среды (статья 261 УК РФ). Изменения затронули компетенцию органов дознания и предварительного следствия, что направлено на повышение эффективности расследования экологических преступлений.

В качестве основы для внедрения принципа расширенной ответственности производителя (РОП) был предложен отклоненный законопроект № 110530-6. Он вводил статью 14.1 в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», устанавливающую специальные требования к обращению с самоходной сельскохозяйственной, лесохозяйственной, строительной и дорожной техникой, утратившей потребительские свойства. Законопроект предусматривал, что обеспечение безопасной утилизации такой техники должно быть бесплатным для последнего владельца, а финансовое бремя возлагалось на импортеров или производителей через механизм утилизационного сбора.

С целью защиты жизни и здоровья граждан был предложен отклоненный законопроект № 261845-5 «О безопасности упаковки». Он предполагал принятие технического регламента, устанавливающего обязательные требования ко всем типам упаковки. Требования включали механическую прочность, герметичность, химическую стойкость, а также возможность переработки. Регламентировались процедуры оценки соответствия и маркировки.

Параллельно с мерами контроля развивается регулирование, направленное на создание позитивных стимулов и развитие ответственных практик. В области биоэтики показателен возвращенный законопроект № 941431-6, который был направлен на запрет использования животных для испытаний и рутинного контроля качества парфюмерно-косметической продукции и ее ингредиентов. Вместо этого инициатива предлагала обязать использовать альтернативные биологические модели, что отражает гуманизацию общества и стимулирование развития биотехнологий.

Принятый законопроект № 1130300-7 внес изменения в Лесной кодекс и законы об ООПТ, признав рекреационную деятельность одним из приоритетных видов использования природных территорий. Закон установил базовые принципы ее осуществления: экологическая ориентированность, соблюдение предельно допустимых рекреационных нагрузок и использование инфраструктуры, оказывающей минимальное негативное воздействие на окружающую среду.

Кроме того, рассматривались вопросы либерализации оборота драгоценных металлов. Отклоненный законопроект № 318686-4 частично смягчал государственную монополию, разрешая организациям с аккредитованными лабораториями самостоятельно клеймить серебряные изделия

собственного производства. Также устанавливалось, что клеймение серебряных изделий массой до 3 грамм и изделий, предназначенных для экспорта, может осуществляться на добровольной основе.

Заключение и дискуссия

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд теоретически значимых выводов о природе межфракционного взаимодействия в современном российском парламенте на примере экологической повестки. Эмпирически подтверждено, что коалиционные экологические инициативы носят преимущественно проблемно-ориентированный характер. Статистическое доминирование подобных инициатив (37 из 40) над символическими (3 из 40) опровергает гипотезу о сугубо демонстративной функции межфракционного сотрудничества.

Качественный анализ содержания законопроектов выявляет две основные стратегические линии. Стратегия кооптации находит своё конкретное воплощение в сотрудничестве «Единой России» с каждой из оппозиционных фракций. Так, привлечение КПРФ к соавторству закона о значительном повышении экологических штрафов (№ 218438-5) позволило легитимизировать это рискованное для отношений с бизнесом решение под видом «общественного интереса». ЛДПР была кооптирована для работы над законом о гуманном обращении с животными (№ 458458-5), что помогло распределить потенциальную критику. Однако фокус на внутри парламентской динамике, при всей его информативности, оставляет за скобками вопрос о более широком политическом контексте и возможных «невидимых» акторах, заинтересованных в подобном распределении ответственности. В этой связи возникает теоретическая гипотеза, требующая дальнейшей проверки: инициатором такой кооптации может выступать не только фракция «Единая Россия», но и структуры исполнительной власти. Эмпирическая верификация данной гипотезы сопряжена со значительными методическими трудностями. Реальные договорённости, или скрытая координация между исполнительной и законодательной властью, как правило, не находят отражения в текстах законопроектов или публичных протоколах, оставаясь в области закрытых политических технологий.

Вторая стратегия, проявляется в отсутствии у «Единой России» постоянного привилегированного партнера. Партия власти в равной степени взаимодействует со всеми фракциями системной оппозиции. Так, было внесено 18 законопроектов с участием ЛДПР, 14 – с КПРФ, 8 – с СР. При этом принято было 5 с участием ЛДПР и КПРФ, и 3 – с СР. Данная тактика может быть направлена на институционализацию роли оппозиции как младшего партнера и минимизацию рисков ее консолидации.

Таким образом, парламентское большинство использует коалиции с оппозицией не столько для преодоления численного дефицита голосов (который отсутствует в силу конституционного большинства), сколько для оптимизации политических транзакционных издержек. В обмен на поддержку в отношении «непопулярных» инициатив по усилению контроля (ужесточение штрафов, расширение надзора) оппозиционные фракции получают доступ к соавторству в «позитивных» законопроектах, развивающих сферу (легализация деятельности, социальные льготы), а также – что особенно важно — возможность публичной презентации своей работы в парламенте. Выявленная модель соответствует логике стратегического обмена (logrolling) в условиях асимметричной партийной системы. Однако с институциональной точки зрения, она выходит за ее рамки, выполняя стабилизирующую функцию. Межфракционное сотрудничество создает видимость плюрализма и консенсуса, канализируя деятельность оппозиции в русло конструктивного, хотя и ограниченного, участия. Это позволяет правящей партии не только решать конкретные законодательные задачи, но и легитимировать саму политическую систему в глазах общества, демонстрируя ее работоспособность и отзывчивость.

Следовательно, принятие законов в современной России – это не только и не столько вопрос механического голосования, сколько сложный процесс политического представительства и символического управления. Депутаты от оппозиции, участвуя в коалициях, получают ресурс для демонстрации своей полезности и вовлеченности перед избирателями. В свою очередь, «Единая Россия», распределяя этот символический капитал, укрепляет нарратив о себе как о силе, способной консолидировать элиты и обеспечивать стабильное развитие.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/>, в Пермском государственном национальном исследовательском университете.

Список литературы / References

- Михеев, А. К. (2024). 'Конкуренция или консенсус? Экологическое законодательство в условиях отсутствия зеленой партии: случай Государственной Думы Российской Федерации 4–7-го созывов', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 18(4), сс. 128–139. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-4-128-139> [Mikheev, A. K. (2024) 'Competition or Consensus? Environmental Legislation in the Absence of a Green Party: The Case of the Russian State Duma of the 4th–7th Convocations' [Competition or Consensus? Environmental Legislation in the Absence of a Green Party: The Case of the Russian State Duma of the 4th–7th Convocations], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18(4), сс. 128–139. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-4-128-139> (In Russ.)]
- Сулимов, К. А., Турцева, К. П. (2024) 'Законодательные экологические инициативы регионов России в федеральном парламенте: политико-стратегическая эффективность или проблемно-ориентированный подход?', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 18(4), сс. 111–127. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-4-111-127> [Sulimov, K. A., Turtseva, K. P. (2024) 'Legislative environmental initiatives of Russian regions in the federal parliament: political-strategic effectiveness or a problem-oriented approach?' ['Zakonodatel'nyye ekologicheskiye initsiativy regionov Rossii v federal'nom parlamente: politiko-strategicheskaya effektivnost' ili problemno-oriyentirovanny podkhod?'], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18(4), сс. 111–127. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-4-111-127> (In Russ.)]
- фон Нейман, Д., Моргенштерн, О. (1970) 'Теория игр и экономическое поведение' Москва: Наука. [Von Neumann, D., Morgenstern, O. (1970) 'Game Theory and Economic Behaviour' [Teoria igr i ekonomicheskoe povedenie]. Moscow: Science. (In Russ.)].
- Algara, C., Ryan, J. (2024) 'The Electoral Costs of Legislative Action: Dynamic Partisanship and Agenda Control in the U.S. Congress', *Journal of Political Institutions and Political Economy*, 4 (4), pp. 577–615. <http://dx.doi.org/10.1561/113.00000089>
- Axelrod, R. (1970) *Conflict of interest: A theory of divergent goals with applications to politics*. Chicago: Markham Pub. Co.
- Bielska-Brodziak, A., Drapalska-Grochowicz, M., Suska, M. (2019) 'Symbolic protection of animals', *Society Register*, 3 (3), pp. 103–121. DOI: 10.14746/sr.2019.3.3.06
- Bień-Kacała, A. (2019) 'Illiberal democracy in action: Polish kind of symbolic legislation', *European Studies*, 6 (1), pp. 270–280. <https://doi.org/10.2478/eustu-2022-0041>
- Gamson, W. (1961) 'A theory of coalition formation', *American sociological review*, 26(3), pp. 373–382.
- Ganghof, S. (2003) 'Promises and pitfalls of veto player analysis'. *Swiss Polit Sci Review*, 9(2), pp. 1–25. <https://doi.org/10.1002/j.1662-6370.2003.tb00411.x>
- Gelman, J. (2017) 'Rewarding Dysfunction: Interest Groups and Intended Legislative Failure' *Legislative Studies Quarterly*, 42(4), pp. 661–692.
- Hohendorf, L., Saalfeld, T., Sieberer, U. (2020) 'Veto power fosters cooperative behaviour: institutional incentives and government-opposition voting in the German Bundestag', *West European Politics*, 44(4), pp. 921–945. <https://doi.org/10.1080/01402382.2020.1739868>
- Jackman, M. (2014) 'Parties, Median Legislators, and Agenda Setting: How Legislative Institutions Matter', *Journal of Politics*, 76(1), pp. 259–272.
- Laver, M., Shepsle, K. (1996) *Making and Breaking Governments: Cabinet and Legislatures in Parliamentary Democracies*. Cambridge University Press.
- Matten, D. (2003) 'Symbolic politics in environmental regulation: corporate strategic responses', *Business Strategy and the Environment*, 12 (4), pp. 215–226. <https://doi.org/10.1002/bse.363>
- Newig, J. (2007) 'Symbolic environmental legislation and societal self-deception', *Environmental Politics*, 16(2), pp. 276–296.
- Posner, E. A. (1998) 'Symbols, Signals, and Social Norms in Politics and the Law', *The Journal of Legal Studies*, 27(S2), pp. 765–797. <https://doi.org/10.1086/468042>
- Riker, W. (1962) *The theory of political coalitions*. New Haven: Yale University Press.
- Saalfeld, T (2010) 'Veto Players, Agenda Control and Cabinet Stability in 17 European Par-

- liaments, 1945–1999’ in: Konig, T., Tsebelis, G., Debus, M. (ed.) *Reform Processes and Policy Change. Veto Players and Decision-Making in Modern Democracies*, Springer Science & Business Media, pp. 125–145
- Strom, K. (2000) ‘Delegation and accountability in parliamentary democracies’, *European Journal of Political Research*, 37, pp. 261–289 <https://doi.org/10.1023/A:1007064803327>
- Suska, M. (2025) ‘Becoming Symbolic: Some Remarks on the Judicial Rewriting of the Offence of Animal Abuse in Poland’, *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*, 38, pp. 1271–1289.
- Tsebelis, G. (2010) ‘Veto Player Theory and Policy Change: An Introduction’ in: Konig, T., Tsebelis, G., Debus, M. (ed.) *Reform Processes and Policy Change. Veto Players and Decision-Making in Modern Democracies*, Springer Science & Business Media, pp. 3–21.
- Tsebelis, G., Money, J. (1997) *Bicameralism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tuttnauer, O. (2018). ‘If You Can Beat Them, Confront Them: Party-Level Analysis of Opposition Behavior in European National Parliaments’, *European Union Politics*, 19 (2), pp. 278–298.
- Van Klink, B. (2016) ‘Symbolic Legislation: An Essentially Political Concept’ in: Van Klink, B., van Beers, B., Poort, L. (eds.) *Symbolic Legislation Theory and Developments in Biolaw*. Springer International Publishing, pp. 19–37.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2025

Статья принята к печати: 30.10.2025

LEGISLATIVE COALITIONS UNDER THE DOMINANCE OF ONE PARTY: STRATEGIES OF INTERACTION BETWEEN UNITED RUSSIA AND THE PARLIAMENTARY OPPOSITION IN THE SPHERE OF ECOLOGY (IV-VII CONVOCATIONS)

A. Mikheev

Andrey Mikheev, Junior Research Fellow of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science,

Perm State University, Perm, Russia.

E-mail: andreymikheev17@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505. ResearcherID: JVO-3149-2024).

Abstract

This article examines the formation of legislative coalitions under the dominance of a single party, using the example of interactions between United Russia and the systemic opposition (the Communist Party of the Russian Federation, the Liberal Democratic Party of Russia, and A Just Russia) in the area of environmental policy in the State Duma of the 4th–7th convocations. It addresses the central question of the motivation of the ruling party, which holds a constitutional majority, to enter into coalitions with the opposition, for which such alliances are a necessary strategy for overcoming the institutional barrier to the adoption of legislation. Using a theoretical framework combining coalition theory and the concept of symbolic legislation, two competing hypotheses are put forward and empirically tested. According to the first, coalitions are problem-oriented in nature and serve as a tool for legitimizing politically risky decisions. The second hypothesis suggests that coalitions are used for symbolic control over public discourse and responding to public demand. The empirical basis of the study is 40 inter-faction environmental bills selected from the System for Supporting Legislative Activity (SSLA). Their classification using the DeepSeek-R1 neural network model and subsequent manual verification revealed an overwhelming predominance of issue-focused initiatives (93%), refuting the hypothesis that cooperation is primarily symbolic. The main conclusion of the article is that United Russia uses coalitions with the opposition not to overcome a numerical deficit, but to optimize political transaction costs and legitimize potentially unpopular bills. The strategy of including all opposition factions allows the ruling party to spread political risks, demonstrate consensus, and channel the opposition's activities into constructive, albeit limited, channels.

Keywords: environmental policy; State Duma of the Russian Federation; United Russia; systemic opposition; legislative coalitions; issue-focused legislation; symbolic legislation.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/>, at Perm State University.